

УДК 159(479)

Е. М. Марченко

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МАТЕРИНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-х гг. (ИДЕИ И РЕАЛИЗАЦИЯ)

В статье рассмотрены идеологические и юридические предпосылки формирования советского конструкта «сознательного материнства». Определены основные идеи западноевропейских и советских марксистов, влиявшие на социальную политику и юридическую практику государства. Выявлены последствия внедрения правовых новшеств в области материнства и его обеспечения, проанализирована эволюция организационных принципов

и состава организации охраны материнства и младенчества, названы основные причины, обусловившие эту эволюцию.

Ключевые слова: материнство, марксизм, «ответственное материнство», семейное законодательство, алименты, аборт, развод, сеть организаций охраны материнства и младенчества, женотделы, облисполкомы, ясли, консультации, общественное и семейное воспитание.

E. M. Marchenko

SOCIAL AND LEGAL STATUS OF MATERNITY IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1920s. (IDEAS AND IMPLEMENTATION)

The article examines the ideological and legal prerequisites for the formation of the Soviet construct of «conscious maternity». The basic ideas of the Western European and Soviet Marxists to influence social policy and legal practice of the state are specified. Legal consequences of the introduction of innovations in the field of maternity and its provision are identified. The evolution of the organizational

principles of the organization and protection of maternity and childhood are analyzed; the main reasons behind the evolution are singled out.

Key words: maternity, Marxism, «responsible parenthood», family law, child support, abortion, divorce, network of protection of motherhood and childhood, women's departments, regional executive committees, nursery, counseling, social and family education.

Материнство – уникальный социобиологический механизм. Происходя из биологической природы человека, он за тысячи лет эволюции претерпел значительные изменения. Как утверждают специалисты, нельзя говорить об этом явлении как о запрограммированном генетически, пресловутом «материнском инстинкте».

Наиболее активно «воспитанием ответственного материнства» в 1920-х годах занималось советское государство. Стремление коренным образом изменить названный институт определялось необходимостью получить человека нового типа – «Homo Sovieticus».

Этологи утверждают, что даже у человекообразных обезьян степень успешности материнской деятельности в значительной степени обусловлена социально [25]. Этнографы подчеркивают, что выявить какие-то универсальные поведенческие доминанты, связанные с материнством, не удалось [21]. Именно поэтому правомернее говорить о способе «материнства», определяющем материнские практики и поведение в зависимости от потребностей и ожиданий социума.

Идеологические ориентиры вновь создаваемого конструкта «сознательного материнства» были заложены в работах немецких и российских марксистов. К. Маркс и Ф. Энгельс, А. Бебель и К. Цеткин вырабатывали следующую концепцию: буржуазное общество лишило многих женщин условий для реализации своих материнских функций, требовать от них выполнения «природных» обязанностей – неправомерно. Аборты и инфантицид – право женщины, такой выбор она делает только под давлением тяжелых жизненных обстоятельств [13; 24].

Материнство, как и любая другая профессия, требует соответствующей физической и интеллектуальной подготовки, которую должно обеспечить общество, заинтересованное в воспроизводстве здоровых и полноценных своих членов. Общественное воспитание предпочтительнее материнского или семейного, поскольку предусматривает привлечение профессионалов. В полном согласии с данной концепцией высказывались и отечественные теоретики марксизма: Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин.

С установлением советской власти был предпринят ряд мер юридического характера для реализации основных положений приведенной выше концепции. В результате, как отмечал В. И. Ленин, «был произведен в законодательстве, касающемся женщины, самый решительный переворот... не осталось камня на камне от законов, ставивших женщину в положение, подчиненное» [19, с. 285]. Однако, как показала гендерная экспертиза этих юридических новшеств, как сами они, так и их последствия, были весьма неоднозначны.

Наиболее прогрессивная часть нового законодательства касалась женщин, занятых на производстве. Появившиеся разрозненно решения об охране материнства в декабре 1918 года были объединены в Кодекс законов о труде, уточненных и расширенных законами 1920 г. Новые нормы юридического и социального обеспечения и охраны материнства женщин, участвующих в производстве, были чрезвычайно прогрессивны и беспрецедентны для мировой правовой практики.

Однако, несмотря на то, что указанные выше нормы были огромным шагом вперед в юридическом обеспечении материнства, касались они преимущественно работающих женщин. Естественно, подавляющее большинство матерей, являвшихся домохозяйками и не занятых в общественном производстве, не могла воспользоваться правами и льготами, предоставленными государством. Особенно это касалось регионов с низким уровнем промышленного развития, в том числе и Северного Кавказа.

Значительно большее влияние на реальный социальный и юридический статус материнства, его материальную обеспеченность, оказывали новые нормы семейного права и брачного законодательства, ставшие

неотъемлемой частью советской социальной политики в отношении семьи. Они определялись в первых декретах большевиков и в Конституции 1918 г., уточняющих и корректирующих их законодательных актах 1920 и 1926 гг.

Основой семьи признавалось действительность происхождения. Никакого различия между родством брачным и внебрачным не предусматривалось. В идеале, забеременевшая и не состоящая в браке женщина могла разделить с отцом ребенка тяжесть материальных забот, связанных с появлением младенца. Для этого ей следовало обратиться в местный отдел ЗАГСа, написать заявление, указав время зачатия, назвать имя и место жительства отца своего ребенка [16].

Данное юридическое новшество вошло в практику принятым в октябре 1920 г. Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Уже в 1921 году мы можем отметить применение указанной нормы в регионе. В списке сведений о числе актов гражданского состояния, зарегистрированных по Ставропольской губернии, отдельной графой отмечены 7 заявлений о внебрачном зачатии [4, л. 1–20].

Безусловно, данный факт важен как тенденция, однако отметим, что в дальнейшем мы не можем отметить ее значительного углубления или расширения. Газетные полосы уже в конце 1920-х гг. полны сообщений, свидетельствующих о сохранении дореволюционной нормы подбрасывания отцам незаконно рожденных детей, даже без малейшего намека на возможность применения указанного новшества для более цивилизованного решения вопроса.

Таким образом, советское законодательство изменяло традиционные «неслыханно-подлые, отвратительно-грязные, зверски-грубые» [19, с. 159] нормы, касающиеся внебрачных, «нагульных» детей. Однако на социальную практику 1920-х гг. это едва ли оказало заметное влияние. Как отмечал в своей работе, адресованной акушеркам курсов заочной переквалификации при отделе Охраны материнства и младенчества доктор М. Ф. Леви, «существуют данные, показывающие, что исходный вес так называемых «внебрачных» детей ниже и развитие их происходит хуже, чем у родившихся в браке, даже при условии вскармливания материнской грудью» [18, с. 4].

Еще одна новая юридическая норма, самым непосредственным образом повлиявшая на реальный социальный статус матери и ее экономическое положение, – это упрощенная процедура расторжения брака. Согласно декрету 1917 г., развод стал светским и доступным. Как отмечают исследователи, реалии семейных практик и в городе, и в деревне были связаны с нищенским существованием отставленных (разведенных) матерей с несовершеннолетними детьми. При упрощении процедуры развода, неразвитости социальных служб и отсутствии обязательной и фиксированной поддержки со стороны государства, женщины, особенно с несовершеннолетними детьми, были экономически зависимы от своих мужей.

Проблема усугублялась введением в семейный кодекс 1918 г. дореволюционной, распространявшейся ранее на дворян и городское сословие, имперской нормы о раздельном владении супругами имущества. Как подчеркивает Л. И. Завадская, это привело к неожиданным результатам. В случае развода очень ущемлялись интересы неработающих женщин (а их было большинство), ибо они, не имея собственного дохода и имущества, также не имели права и на часть семейного имущества, заработанного мужем в браке. [14, с. 331]. Как результат – появились так называемые сезонные браки, когда мужчина брал жену на время интенсивных полевых или других работ, а по его завершении разводился.

Ярко представить практические результаты советских юридических экспериментов может типичная статья «Каков должен быть брак у трудящихся» 1924 года. Начинается она описанием тривиальной жизненной ситуации: молодая женщина возвращается в дом матери после неудачного замужества. Пока она была в больнице, родив ребенка, дома уже появилась новая жена. Кроме новорожденного у молодой женщины девочка трех лет. Муж «выкинул на улицу», куда ей теперь? – задается вопросом сердобольная соседка. – На бирже и без нее много безработных. Молодая мать признается, что «если б знала три месяца назад, выбросила б семимесячного!» [20].

В целом, неудовлетворенность новыми юридическими нормами, регулирующими брак, прослеживается в материалах VIII окружной терской партконференции в ноябре 1925 года. Вопросы морали и партвоспи-

тания обсуждались в рамках доклада о работе краевой контрольной комиссии (КК), которая часто «превращается чуть ли не ЗАГС». Причиной этому служило то, что «тот или иной товарищ из рабочих или крестьян, попадая на более высокую должность, бросает своих детей, жену-работницу, крестьянку, женится на куколке, говоря, что жена идеологически чужда. Стараются ускользнуть от Советского суда, от обеспечения семьи».

С мест звучали прямые вопросы: «Нельзя ли издать такой закон для коммунистов, чтобы они не разводились с женами?», – ответ на который был, естественно, отрицательный [1, л. 26 об.]. Материалы конференции свидетельствуют, что коммунисты, часто – ответработники, не являли массам образца законопослушного и ответственного поведения, часто отказываясь от обеспечения собственных детей.

Ситуация изменилась только в 1926 г., когда был принят новый Кодекс о браке, семье и опеке (КЗоБСО). Он изменил режим раздельности супружеского имущества режимом его общности. В результате, супруги, не имевшие самостоятельного дохода, получали права на часть имущества семьи. Другое важное новшество, легитимизированное указанным документом, заключалось в том, что придавалось правовое значение фактическим брачным отношениям. Однако, как отмечают исследователи, введение данной нормы привело к правовой неопределенности, так как допускало законность и зарегистрированного брака, и фактического сожительства, при этом вопросы их параллельного сосуществования оставались не отрегулированными. Именно эти юридические неточности обусловили то, что обсуждая вопросы коммунистического быта, на XI окружной партконференции в 1928 году в протоколе отмечается, что случаи многоженства среди коммунистов встречались [1, л.22, 123, 125 об., 133].

Еще одна юридическая новация – алименты, была введена в правовую практику советского государства Уголовным кодексом РСФСР 1922 года. С. Смилович, заведующая Женотделом ЦК, в брошюре «Работница и новый быт», писала: – «пока наше пролетарское государство не в состоянии взять на себя содержание всех детей, закон об уплате алиментов является важной и вполне разумной мерой... и мать... ОБЯЗАНА принять все меры,

чтобы получить с отца ребенка алименты» [23, с. 9.]. Однако выполнение данных рекомендаций не было делом легким. К примеру, батрачку исключили из комсомола за то, что она потребовала в судебном порядке взыскание алиментов с отца ребенка – председателя комсомольской ячейки [1, л.79].

Радикальным социально-юридическим новшеством, выходящим за рамки семейного законодательства, но в значительной степени изменившим прокреативное поведение женщины, явилось официальное разрешение аборта по желанию женщины. Данное право было впервые в мире узаконено в Советской России 18 ноября 1920 года, в законе «Об охране здоровья женщин». В нем отмечалось, что аборт являлся, прежде всего, злом для коллектива. Правительство допускало его лишь как меру временную, главной целью которой является сохранение здоровья женщин, решившихся на данную операцию под давлением «моральных пережитков прошлого и тяжелых экономических условий настоящего» [15]. Операция по искусственному прерыванию беременности была разрешена к осуществлению бесплатно и лишь в советских больницах, под руководством врача. Нарушение одного из указанных принципов влекло за собой судебную ответственность.

Активное обсуждение проблемы аборта производилось на региональном уровне: как партийными органами (женотделы), так и специалистами на страницах печати. Причиной, побудившей общественность обратиться к этой теме, стал крайне высокий уровень «абортизма», названного социально-опасным явлением [12].

Подчеркнем, что вопрос аборта для большинства женщин оставался достаточно сложным, интимным, а обращение за помощью к квалифицированным специалистам было связано с широкой публичной оглаской, привлечением «абортной комиссии»¹. Кроме того, женщинам часто приходится сталкиваться с грубостью и нетактичностью медперсона-

¹ Деятельность абортных комиссий, включавших как медиков-специалистов, так и представительниц женотдела и профсоюза заключалась в определении должных медицинских и социальных оснований для производства операции. Ими же распределялись койко-места в больницах для прерывания беременности, в основе их работы лежал классовый принцип, а приоритет принадлежал пролетаркам.

ла. Исследователями также отмечалось, что для советской медицины было нормой проведение аборта без наркоза, что должно было, во-первых, сэкономить наркотики для более серьезных операций, а во-вторых, по-своему дисциплинировать женщину. [6, л. 14, 16]. В итоге, многие нуждающиеся в этой операции обращались не к специалистам, а к «бабкам-шептухам». В сельской местности женщины полностью находились в их руках.

К концу 1920-х гг. услуга бесплатного аборта эволюционировала в сторону ужесточения моральных норм и экономического ограничения. Н. М. Лебина указывала, что сначала в 1926 г. в советской России были полностью запрещены аборт для следующих категорий беременных:

- забеременевшим впервые,
- женщинам, перенесшим эту операцию менее полугода назад.

Одновременно, с середины 20-х гг., началась в печати кампания против аборт, в ходе которой осуждался эгоизм нерожавших женщин, вред этой операции для женского организма [17].

Рассмотренная выше юридическая практика в целом соответствовала идеологическим посылам марксистов. Однако для полной реализации, созданной ими концепции требовалось еще создать систему общественного воспитания, передав инициативу во всех областях обеспечения материнства в руки специалистов. Это начинание было осуществлено в рамках организации «Охраны материнства и младенчества» (ОММ). В целом работа в данном направлении производилась на основе принципа, провозглашенного в декрете по комиссариату государственного призрения от 31 декабря 1917 г. В указанном документе охрана младенчества признавалась властью прямой государственной обязанностью, а само материнство – важной социальной функцией женщины.

Координацией мер в данном направлении осуществлялась отделом охраны материнства и младенчества, созданного при Наркомате Государственного Призрения (позднее Наркомат социального обеспечения), возглавляемого с 1918 г. В. П. Лебедевой. С этого времени все учреждения, обслуживавшие детей, объединялись в одну государственную организацию и передавались в ведение отдела ОММ, с тем чтобы «составить неразрывную

цепь с учреждениями, обслуживающими женщину во время беременности и кормления ребенка грудью; принимать от них и продолжать выполнение одной общей государственной задачи – создания сильных духом и физически граждан» [22].

Однако с созданием в 1918 году комиссариата здравоохранения подраздел был со временем полностью передан в его ведение. К этому моменту в его компетенцию входила организация и функционирование заведений охраны материнства и младенчества открытого и закрытого типа, включая Дома Матери и Ребенка, Дома Ребенка, ясли, детские и женские консультации, молочные кухни, родильные дома, а также подготовка квалифицированных кадров для указанных заведений.

Важным моментом в налаживании работы имели Всесоюзные Совещания по охране материнства и младенчества, деятельность женотделов местных комитетов партии. Именно женотделы поднимали вопросы организации детских домов и очагов, Домов Матери и Ребенка там, где это более всего необходимо, обеспечение детей обмундированием, поддержание заведений в требуемом санитарном состоянии. Самое деятельное участие принимали женотделы в проведении недель и двухнедельников «Охраны материнства и младенчества», проводимые регулярно [9, л. 24].

Только Ставропольским губженотделом положительно решались в 1921 году вопросы об открытии в городе ясель на мельнице Глеева, курсов по уходу за детьми, приюта яслей для детей работниц, одного детского приюта и двух детских очагов [11, л. 1, л. 2, л. 9, л. 10, л. 16]. Деятельницами женотделов проводились ревизии имеющихся учреждений, отмечали и исправляли недостатки в педагогическом процессе, например, предлагали запретить детей из детских домов направлять для исправления в дом дефективного ребенка, способствовали внедрению физкультуры во все детские учреждения города, добывали необходимые для этого инструменты [11, л. 16, 45]. Кубано-Черноморский облженотдел в это же время принимает решение о всяческом содействии открываемым детским площадкам по районам [10, л. 1].

Нальчикский женотдел организовал субботник по починке белья для местного Дома матери и ребенка. Аналогичные орга-

низации Горской республики обращались к деятельности местных детских учреждений, добываясь открытия приюта в беднейшем и разрозненном селе Вердекели, стремились наладить работу имевшихся детских площадок и яслей в Долинском Кабардино-Балкарии, Нальчике, Чечен-ауле, с. Гонга и пр. [8, л. 34, 39, 40–41].

В целом функционирование системы ОММ в значительной степени определялась общей государственной политикой: военный коммунизм, НЭП, свертывание его, начало коллективизации. На первых порах в рамках системы преваляровала ориентация на создание учреждений закрытого типа ОММ (Дом Матери и Ребенка, Дом Ребенка и пр.) и создания условий сохранения населения в условиях голода после войны. Деятельность открываемых в указанный период учреждений была направлена на обеспечение выживания населения, прежде всего детей. Санитарно-просветительские и образовательные цели, предусмотренные в идеале для подобных учреждений, судя по архивным материалам, они преследовать в этот критический период просто не могли. Соотношение матерей и детей в Домах Матери и Ребенка в исследуемый период в отдельных случаях было следующим 22:117, 87:915.

Политика широкого социального обеспечения, а также налаживание обширной сети учреждений ОММ в короткие сроки выстраивалась за счет максимального государственного финансирования. Так полугодовой бюджет отдела был равен 300 000 000 руб. [2, л. 5]. Только на восстановление сгоревшей выставки по Охране Материнства и Младенчества, по прошению Наркомздрава Семашко полуразрушенное государство выделяет 118 012 000 руб. [2, л. 5]. В 1919 году из общего бюджета НК Здравоохранения 9 194 735 913 руб. на молочные кухни расходной сметой предполагалось израсходовать 219 870 руб., на ясли для детей до 3 лет – 94 502 руб., до года – 95 777 руб., консультации для матерей – 11 7245 руб. [3, л. 69–70].

С началом НЭПа отмечается резкое уменьшение государственных дотаций и сокращение сети ОММ. Теперь В. П. Лебедева, заведующая отделом Охраны Материнства и Младенчества, отмечала его катастрофическое положение [9, л. 1]. При ограничении финансирования из центра, часть обязанностей по

содержанию заведений ОММ была возложена на местные органы власти. В итоге из целого ряда мест в Отдел поступают сообщения о том, что исполкомы, не имея возможности сохранить всей сети учреждений из-за недостатка денежных средств, идут по линии наименьшего сопротивления, сохраняя приюты для подкидышей за счет консультаций и яслей.

Следствием сокращения финансирования и количества функционирующих заведений ОММ стало «возвращение матери-коммунистки в семью для воспитания своих детей, а отчасти и для организации домашнего питания». Как отмечалось в материалах по коллективизации быта, данное явление имело два негативных последствия. Во-первых, констатировался довольно большой отход матерей-коммунисток от партийной и советской работы. Во-вторых, «перенесение воспитания детей коммунистов в семью, что совершенно объективно поведет к усилению индивидуалистического уклона в психологии подрастающего поколения» [7, л. 21].

В таких условиях государством семье был возвращен приоритет в воспитании и обеспечении ребенка, а в сети ОММ центр тяжести перенесен на создание учреждений открытого типа (консультации, ясли, детплощадки). Так только в Терском округе ясли

функционировали в 7 районах, консультации работали в Минводах, Моздоке и Степновском [5, л. 22, 32]. Источником финансирования были местные власти, которые прежде тратить деньги на них опасались. Комитеты Крестьянской Общественной Взаимопомощи (ККОВ), сельсоветы и стансоветы признавали ясли и детплощадки общественно-полезными и выделяли для них средства в собственных сметах [9, л. 3]. В докладе завтөркздраватов. Томпакова утверждалось, что созданные в ряде районов консультации уже к 1925 году достигли определенных результатов в снижении детской смертности [5, л. 4]. Отмеченные выше тенденции, обозначившиеся во второй половине 1920-х гг. нашли развитие в следующем десятилетии.

Таким образом, за первое десятилетие советской власти был сформирован и апробирован конструкт «сознательного материнства». Его теоретические посылы – идеи марксистов – были воплощены законодательно, значительно повлияв на такую традиционно интимную область как материнство. Однако полученный практический результат власть не удовлетворил и доказал необходимость корректировки политики в отношении материнства уже в рамках этатистских идей.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 184.
3. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 69.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК) Ф. р. 929. Оп. 2. Д. 228.
5. ГАСК. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 85.
6. ГАСК. Ф.р. 1161. Оп. 1.Д. 661.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 10. Д. 124.
8. РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 10. Д. 17.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 86.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 267.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 298.
12. Аборты. Широкое врачебное совещание в клубе ВСАСОТР // Советский Юг. № 87 (1085). 16 апреля 1924 г. С. 3.
13. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 596 с.
14. Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: Издательство БЕК, 2001. 272 с.
15. Закон «Об охране здоровья женщин» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства (СУР). 1920. Ноябрь. № 90. С. 475.
16. Кодекс законов об Актах Гражданского состояния; Брачном, Семейном и Опекунском праве // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУР). 1918. Январь. № 76–77. С. 933–959.

17. Лебина Н. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...». Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 228–241.
18. Леви М. Ф. Беременность / Курсы заочной переквалификации акушеров при отделе Охраны материнства и младенчества. М-Л.: Издательство отдела ОММ, 1929. 54 с.
19. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. 632 с.
20. Мак Е. Каков должен быть брак у трудящихся? // Советский Юг. 1924. 20 января. С.2.
21. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука Серия: Этнографическая библиотека, 1988. 429 с.
22. Постановление Народного комиссариата государственного призрения РСФСР от 31 января (13 февраля) 1918 г. «Об организации комиссии по охране младенчества» // СУР. 1918. № 24. С. 24.
23. Смилович С. Работница и новый быт. М-Л.: Государственное издательство, 1927. 127 с.
24. Цеткин К. Женский вопрос. Гомель: Гомельский рабочий, 1925 г. 70 с.
25. Чибисова М. Этологические концепции материнства в зарубежной психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://ethology.ru/library/?id=385> (Дата обращения: 12.09. 2015).
26. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в 3 томах. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.

УДК 63.3

Е. Ю. Оборский

СТАВРОПОЛЬСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В 1917 ГОДУ: ОТ ПОПЫТОК СОТРУДНИЧЕСТВА К ЗАХВАТУ ВЛАСТИ

В статье рассматривается деятельность ставропольских большевиков в период Российской революции 1917 года. Показаны их попытки сотрудничества с новыми государственными органами. Обозначены усло-

вия установления Советской власти на Ставрополье в главе с большевиками.

Ключевые слова: революция 1917 года в России, большевики, Ставропольская губерния, июльский кризис, Советская власть.

E. Y. Oborskiy

STAVROPOL BOLSHEVIKS IN 1917: FROM ATTEMPTS OF COOPERATION TO SEIZING THE POWER

The article studies the activities of Stavropol Bolsheviks during the Russian Revolution of 1917. The focus is on their efforts to cooperate with the new state authorities. The article outlines the conditions for establishing

Soviet power in the Stavropol region led by Bolsheviks.

Key words: Russian Revolution of 1917, Bolsheviks, Stavropol region, July Crisis, Soviet power.

После свержения самодержавия в феврале 1917 года в России установился открытый политический режим, позволивший всем политическим партиям участвовать в борьбе за власть в равных условиях. Большевики Ставрополя так же, как и все прочие партии, начали свою деятельность с агитации и пропаганды, организуя митинги, кружки,

участвуя в демонстрациях и шествиях. Однако в силу своей небольшой численности в течение всего года они практически в первую очередь боролись за пополнение своих рядов, нежели за реальную власть в городе и губернии. По состоянию на 12 марта их насчитывалось 16 человек [16]. В сентябре 1917 г. в Ставропольской городской организации